

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Виктор
ПРОНИН

Смерть

Анфертьева

МОСКВА

2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 1994 году

Пронин, Виктор Алексеевич.
П81 Смерть Анфертьева / Виктор Пронин. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. —
(Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-93514-7

Заштатный заводской фотограф Вадим Анфертьев до недавнего времени жил как все. Его устраивали и постоянные упреки жены, мечтающей о красивой жизни, и насмешки сослуживцев, и ни к чему не обязывающие отношения с кассиршей Светой. Но «тихий омут» только кажется тихим. Уязвленное самолюбие толкнуло Анфертьева на преступление: он решился ограбить заводскую кассу, а вину за преступление переложить на своего коллегу. Хладнокровный грабитель и не предполагал, что вместо ожидаемого счастья вместе с богатством на его голову свалятся самые настоящие беды...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93514-7

© Пронин В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Я разлюбил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты,
Остались мне одни страдания,
Плоды сердечной пустоты.

А. С. Пушкин

ГЛАВА 1

Итак, Анфертьев.

Наша криминальная история произойдет с ним, с Вадимом Кузьмичом Анфертьевым. В самом слове «Вадим» есть нечто притягательное, вам не кажется? Человек с таким именем, вполне возможно, обладает тонким строением души, склонен поговорить о чем-то возвышенном, выходящем за рамки забот о хлебе насущном. Не исключено, что он выписывает какой-нибудь литературный журнал, не прочь посмотреть по телевизору передачу из Эрмитажа и даже, чего не бывает, опрокинув рюмку-вторую, возьмет да и брякнет что-нибудь о неопознанных летающих объектах, о нравственных принципах или о будущем государственном устройстве Фолклендских или Мальвинских островов. А почему бы и нет? Запросто может, уж коли зовут его Вадимом.

Что касается отчества, то и оно вполне соответствует — Кузьмич. Человек этот, как и все мы, интеллигент в первом поколении. Отец его, Кузьма, пахал землю, потом ковал железо, потом где-то сторожил, вахтерил, гардеробничал и наконец помер в доме для престарелых между Кривым

Рогом и Желтыми Водами. Сына своего он нарек Вадимом, простодушно полагая, что это название электрической машины. Так тогда было принято. Хотя, откровенно говоря, ему очень нравилось имя Федор. Поэтому наш Вадим, если уж начистоту, где-то в глубинах своих был все-таки Федей.

Теперь фамилия. То, что когда-то усатый Кузьма с завода металлургического оборудования назвал сына ненавистным ему именем, не было случайно. Ну, скажите, разве не слышится в самом этом слове «Анфертьев» что-то нетвердое, поддающееся влиянию толпы? Конечно, человек с такой фамилией почитает за благо примкнуть к большинству, не очень задумываясь над тем, куда это большинство путь держит. Кто-то назвал дочь Индустрией, кто-то окрестил сына Трактором, вот и Кузьма решил не выпячиваться.

Надо сказать, что родительская податливость у сына, у Вадима Кузьмича, приняла иное свойство — какая-то неуверенность чувствовалась в его поступках и даже во взглядах. Но по прошествии времени слабость иногда оборачивалась такой твердостью, что она озадачивала самого Вадима Кузьмича. Например, проучившись пять лет в горном институте, получив специальность маркшейдера, или, как говорили любители красивых образов, став горным штурманом, Вадим Кузьмич вскоре оставил свою профессию, даже не зная толком, чем будет зарабатывать на жизнь. За год с небольшим, который ему пришлось проработать под землей, он понял, что это дело не для него.

Горняки оказались людьми чрезвычайно грубыми, стучали кулаками, топали ногами, оскверняли воздух такими словами и оборотами, что вагонетки, груженные углем и породой, самопроизвольно сходили с рельсов, — но дело было не в этом. Не по душе пришлась Анфертьеву работа, только и всего. Но, с другой стороны, есть ли на свете причина более уважительная?

Что можно сказать о внешности Вадима Кузьмича? Был он роста выше среднего, худошав, светловолос, охотно улыбался, не очень задумываясь над тем, уместна ли его улыбка. Кроме того, любил галстуки, и это, пожалуй, была его единственная слабость. Вообще Анфертьев следил за собой. В самом деле, невозможно представить себе человека с хорошим галстуком, но без свежего воротничка, выбритых щек, начищенных туфель. Этот вроде бы необязательный предмет туалета ко многому обязывает, если хотите, полностью берет человека в плен, и вульгарное словечко «удавка» может стать удавкой в весьма широком смысле слова.

Жена. Вполне естественно, что жена у Вадима Кузьмича оказалась женщиной властной, с ярко выраженным волевым началом. Звали Натальей, и ни у кого язык не поворачивался назвать ее Наташей. Да и сама она восприняла бы это как вопиющую фамильярность. Отчество — Михайловна. Наталья Михайловна. Анфертьев любил свою жену за миловидность, за то, что она давала ему уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне, а еще за то, что не оставляла без завтрака, без ужи-

на, без ласк. Была она небольшого роста, полноватой, носила длинные светлые волосы, высокие каблуки, гордилась своим профилем, который и в самом деле был неплох: горделиво вскинута головка, нос с горбинкой, четко очерченный подбородок. Она немного походила на царицу Екатерину, какой ее изображали на монетах. В девичестве она была Воскресухина, но без колебаний приняла фамилию мужа, даже в этом, казалось бы, незначительном обстоятельстве увидев залог прочности семьи. Мы — Анфертьевы. Отныне и навсегда. И весь разговор.

И наконец, дочь. У сильных волевых женщин чаще рождаются дочери, и с этим нам придется смириться, как смирились родители, мечтавшие о сыне. Как ее звали? Зина? Ни в коем случае! В этом имени и Наталья Михайловна, и Вадим Кузьмич видели что-то недостойное. То же самое можно сказать о Зое, Рае, Гале. «В нашем роду таких имен не было. И не будет!» — сказала Наталья Михайловна. И назвала дочь Таней. Татьяной! Здесь при желании можно увидеть изысканность внутреннего мира, одухотворенность, а кроме того, и это самое главное, такие имена встречались в роду Воскресухиных. Дочери было шесть лет, она обожала варенье и сказки про леших, к которым питала непонятное влечение и всегда сочувствовала их одиночеству в темном, непролазном лесу.

Несмотря на мягкость Анфертьева — а он многим казался откровенно слабым, кое-кто даже пытался защищать его от житейских невзгод, против

чего Вадим Кузьмич благоразумно не возражал, — податливость его была отнюдь не безгранична. Где-то в непостижимой дали его души, куда чрезвычайно редко удавалось кому-нибудь заглянуть, куда он сам не заглядывал годами, таилось нечто твердое как кремень. И наглец, самонадеянно возомнивший, что он может вить из Анфертьева веревки, бывал несказанно ошарашен, увидев однажды перед собой человека жесткого до безжалостности. Бывали случаи, когда Анфертьев ставил на карту собственную жизнь и, упиваясь опасностью, с радостным безрассудством бросался в схватку, заранее зная, что победы не будет, что все кончится его полнейшим разгромом. Но ему позарез нужно было это поражение, чтобы потом поступать, как заблагорассудится. Но подобное случалось настолько редко, что большинство людей, с которыми он знался, даже не подозревали о маленьком камешке, затаившемся в глубинах Анфертьева, — так может затаиться амфора в синих глубинах Средиземного моря, алмаз в сибирских толщах вечной мерзлоты, опасный преступник среди граждан порядочных и благонадежных. Анфертьев ничуть не печалился, оказываясь в дураках, становясь посмешищем, попадая в положение глупое и оскорбительное. Он знал — до камешка еще далеко. Но уж если кому удавалось добраться до этого кремневого осколка...

А что он устроил в последний день пребывания на шахте! Собственно, этот день поэтому и стал последним, что Анфертьев выдал на-гора та-

кое, что помнят до сих пор, а имя его на Четвертой Пролетарской и поныне окружено легендами и домыслами. Многих забыли на шахте, даже тех, кто проработал здесь десятки лет, кто спустился под землю безусым юнцом, а выбрался наружу парализованным старцем, — их забыли. И тех, кто командовал подземными комплексами, держал в страхе комплексы поверхностные, кто сокрушал рекорды и гремел, — забыли. Анфертьева помнили.

За год работы на шахте Анфертьев ни разу не повысил голос, не отдал ни одного приказа, никого не послал по матушке, что уже само по себе ставило его в положение почти безнадежное. К тому же рот он открывал при начальстве только для того, чтобы поздороваться. Правда, дело знал. Что так ли уж редко случается, что работа становится чем-то второстепенным и выполнять ее без притопов и прихлопов, без жалобных стенаний и победных воплей — значит наверняка обречь себя на пренебрежение. Что и случилось с Анфертьевым. И когда однажды начальник шахты, красномордый и громкоголосый, назвал его тюфяком только потому, что сам забыл дать задание, назвал его грязным тюфяком из богадельни только потому, что знал — это слышит девушка, за которой в то время ухаживал Анфертьев, Вадим Кузьмич в ответ лишь улыбнулся и вздохнул облегченно. Теперь ему было позволено все. Начальник подумал было, что Анфертьев его не понял или не слышал, и повторил свои слова еще более зычно.

Вадим Кузьмич прикрыл глаза и кивнул. Дескать, слышу вас, понимаю.

Когда на следующий день во Дворце культуры руководство из треста при массовом стечении народа под уханье духового оркестра, под хлопанье тяжелых, как совковые лопаты, шахтерских ладоней вручало шахте знамя победителя соцсоревнования, а начальник шахты лобызал прохладное, полыхающее, стекающее сквозь пальцы шелковое полотнище и украдкой вытирал им пот, на трибуну поднялся бледный и торжественный Анфертьев. Вряд ли он говорил больше трех минут, на большее его бы и не хватило, но он говорил в присутствии гостей из треста, говорил прямо в лицо начальнику — тот окаменел, обхватив древко знамени, и стал похож на придорожный памятник. Очень непочтительно говорил Анфертьев о начальнике этой небольшой шахтенки, можно даже утверждать, что он говорил о нем оскорбительно. А потом поблагодарил за внимание и сошел в зал. Его проводили редкими гулками аплодисментами, понимая, что провожают не только с трибуны, с ним прощались. Но с тех пор каждый раз, когда ему бывает туго, в ушах Анфертьева звучат тяжелые аплодисменты, издаваемые негнушимися шахтерскими ладонями.

— Послушай, ты, тюфяк из богадельни, — начал Анфертьев. — Я знаю, тебе нравится такое обращение, и поэтому решил произнести его здесь... Ты полагаешь, что мат — это главный производственный фактор? — Анфертьев бросил бы-

стрый взгляд на девушку, за которой ухаживал тогда, по которой томился и страдал. На вечере она исполняла обязанности секретаря, записывала слова выступающих. — Ты думаешь, что это знамя облагородило тебя и ты приобщился к чему-то святому? Как маркшейдер заявляю: двенадцать процентов плана — приписка. Могу представить документы. Отойди от знамени, тюфяк! И никогда не приближайся к нему. Кому сказал?!

Начальник как-то боком, скомканно отошел от знамени и, насколько было известно Анфертьеву, действительно больше не приближался к нему на столь близкое расстояние.

— Я подам на тебя в суд! — крикнул он тогда.

— Буду очень благодарен, — поклонился Анфертьев. — Там я смогу говорить более подробно. И не только о приписках.

Не стоит рассказывать, как Анфертьев рванул на туманный остров Сахалин и полтора года промаялся там, убеждая себя в том, что это именно тот остров, о котором он мечтал всю жизнь. Горное образование помогло ему быстро найти себе занятие — уголь, нефть, газ были основными ценностями Острова сокровищ, как называли Сахалин в местной газете. Как-то весной, когда запахло свежей зеленью и вместо опостылевшего снега пошел мелкий теплый дождь, Анфертьев удрал с острова, удрал в двадцать четыре часа, как представитель чужой державы, застигнутый на чем-то преступном.

Не будем перетряхивать и перелистывать тру-

довую книжку Анфертьева и вчитываться в записи, сделанные в горах Чечено-Ингушетии, в городе Сыктывкаре, не будем задавать вопросов, чтобы узнать, почему его не взяли в горноспасатели, чем он занимался в днепропетровской конторе по выпуску фильмов для Министерства черной металлургии и сколько ему платили на разгрузке вагонов. Не стоит беречь старые раны. Каждая запись, каждая попытка Анфертьева прорваться в другую жизнь — это шрамы на сердце, как после инфарктов.

Оставим прошлое.

Перешагнем через годы, через города и расстояния, усилием воли окажемся в Москве, где-нибудь в районе метро «Электровзаводская» или «Бауманская», проникнем в тот вечер, когда Анфертьев за небольшим письменным столом просматривал фотопленки, Наталья Михайловна готовила нехитрый ужин из картошки и свекольного салата, а их малолетняя дочь сидела перед телевизором. Проскользнем в тот тихий беззаботный вечер, когда они жили вместе и следователь районной прокуратуры не интересовался еще скромной персоной Вадима Кузьмича, заводского фотографа.

Да, Анфертьев уже несколько лет жил в Москве, работал на заводе по ремонту строительного оборудования. По бухгалтерским, штатным и прочим ведомостям он числился маляром, слесарем, разнорабочим — в зависимости от того, на какую

должность позволяли его перевести хитросплетения заводской отчетности. В его трудовую книжку вписывали все новые специальности, обязанности, должности, а он неизменно фотографировал передовиков производства, оформлял стенды, выезжал с заводскими туристами на базы отдыха и чувствовал себя если не счастливым, то вполне удовлетворенным.

Осень. Вечер. Москва.

Танька сидела перед телевизором. Да, именно Танька. Так называли ее родители, скрывая нежность за напускной грубостью, и потом, по характеру, по неиссякающей страсти ко всевозможным проступкам, совершаемым исключительно из хулиганских побуждений, все-таки она была Танькой. Ее невозможно было назвать Танюшей, Танюлечкой или каким-нибудь другим изуродованным именем, призванным показать родительское обожание.

Убедившись, что и на этот раз зайцу удалось избежать волчьих зубов, Танька разжала побелевшие от напряжения пальцы и облегченно откинулась на спинку стула.

— Не съел, — вздохнула она облегченно.

Раздался звонок. Первой к телефону подошла, да что там подошла, подбежала Танька. Встав на цыпочки, она взяла трубку и, замерев от предчувствия чуда, которого ждала от каждого звонка, стука в дверь, от каждого письма, телеграммы, от пьяного соседа или позвякивающего железками сантехника, закричала:

— Алло! Кто это?

— Это говорит Серый Волк, — ответил густой воркующий голос.

— Добрый вечер, Серый Волк! Как поживаешь? — Танька не раздумывая бросилась в шутку, в сказку, в авантюру — называйте как хотите.

— Спасибо, — озадаченно проговорил голос. — А ты?

— И я спасибо! Тебе что-нибудь нужно?

— Я бы хотел поговорить с твоим папой. Можно?

— А почему ты грустный?

— Хм... Не знаю... Устал, наверно.

— А откуда ты звонишь? Из темного леса? — Таньке не хотелось прекращать интересный разговор, и она, увидев, что идет отец, успела задать еще несколько вопросов. — Тебе негде ночевать? За тобой гонятся собаки? Ты хочешь у нас спастись?

Вадим Кузьмич подождал, пока Танька выслушает ответ, взял трубку.

— Это Серый Волк, — сказала Танька. — Ему негде ночевать. Он хочет приехать к нам в гости.

— Гости — это хорошо. Алло! Кто нужен?

— Гражданин Анфертьев? Вас беспокоит дон Педро.

— Кто?! — присел от неожиданности Вадим Кузьмич. — Кто меня беспокоит? Педро?

— Дон Педро, — поправил неизвестный собеседник.

— Слушаю вас, товарищ дон Педро. — Анфертьев робко улыбнулся.